

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

К.С. ДИВИСЕНКО, А.Э. БЕЛОВ, О.В. ДИВИСЕНКО

ТРАНСЛЯЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СЕМЬЕ ОТ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЯМ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация. Возрастающий интерес к изучению влияния религии на различные стороны социальной жизни отражается в достаточно большом корпусе научных публикаций. Вместе с тем воспроизводство религиозной идентичности на уровне индивидов и малых социальных групп является малоизученной областью в современной отечественной социологии религии. Вопрос о связи религии и родительства в российском обществе приобретает особую актуальность в связи с происходящими изменениями в постсоветском обществе: к первому поколению верующих добавляются и приходят ему на смену верующие во втором и третьем поколениях. Представителей этих поколений отличает характер религиозной социализации, связанный с индивидуальным обращением, или с воспроизводством религиозности. В настоящей статье представлен обзор современных эмпирических исследований трансляции религии от родителей детям. В своем анализе

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, комн. 506.

Телефон: +7 (812) 316-24-96. **Электронная почта:** k.divisenko@socinst.ru

Белов Алексей Эдуардович — ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Телефон: +7 (812) 316-24-96. **Электронная почта:** alexeibelov2001@gmail.com

Дивисенко Ольга Владимировна — ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Телефон: +7 (812) 316-24-96. **Электронная почта:** o.divisenko@socinst.ru

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ — проект № 17-33-01014/17-ОГОН «Религиозная культура семьи: социологический анализ межпоколенческой трансляции в конфессиональной перспективе».

мы опирались в первую очередь на результаты зарубежных исследований и сосредоточились на описании воспроизводства религиозности в семье независимо от религиозной или конфессиональной принадлежности. Проведенный анализ показал, что семья является одним из ключевых агентов религиозной социализации детей. В представленном обзоре особое внимание уделяется описанию факторов, влияющих на религиозность детей верующих родителей. Отмечены значимые различия в верующих и неверующих семьях, которые касаются взаимоотношений между супругами и детьми, субъективного благополучия детей и стилей воспитания. Уделяется внимание также и внешним факторам, влияющим на религиозность семьи: культурному контексту, месту и роли религии в обществе.

Ключевые слова: социология религии; религиозность; воспроизводство религиозности; межпоколенческое взаимодействие; религиозная социализация

Для цитирования: Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В. Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098

«Религиозный ренессанс» в России, о начале которого стало возможно говорить с конца 80-х годов XX века, можно рассматривать как следствие нелинейного и циклического характера секуляризации российского общества (Ю.Ю. Синелина) [8, с. 15–17]. Этот процесс сопрягается с противоречивыми тенденциями: с одной стороны, массовым обращением людей в традиционные и нетрадиционные религии, с другой, феноменом «веры без принадлежности» (Г. Дэйви) [16, р. 274]. Последний обусловлен высокой степенью культурной идентификации россиян с православием и не предполагает глубокого восприятия христианской догматики и институционализированных практик. Наряду с этим наблюдается формирование такого феномена, как «внеденоминационное христианство», когда люди догматически и нравственно соглашаются с вероучением той или иной конфессии, руководствуются соответствующими принципами, но остаются без формальной принадлежности церкви по различным причинам. В этой связи особое значение приобретает вопрос не столько о количественных показателях религиозной вовлеченности, сколько о социальных институтах и агентах воспроизводства религиозности и духовности в современном российском обществе. Следует отметить, что при наличии разнообразных исследований роли религии на макро- и микроуровне социальной реальности, в поле зрения социальных ученых не попадает проблема воспроизводства религиозности на уровне семьи. Эта социальная проблематика видится актуальной в силу того, что в настоящее время стало возможным изучать феномен религиозности и трансляции религиозной веры во втором и третьем поколениях верующих людей. Тридцать и даже

двадцать лет назад эта проблема не могла исследоваться вследствие объективной причины — основная масса верующих были неопитами (представителями первого поколения верующих).

Если обратиться к данным опросов общественного мнения, проведенных «Левада-Центром», то можно сделать вывод, что число практикующих верующих в России за последние пятнадцать лет изменилось незначительно. Имеется определенная тенденция к увеличению числа респондентов, посещающих религиозные службы не менее одного раза в месяц (доля таких верующих в 2003 году была 7%, достигла максимума 14—15% в 2012—2014 гг. и к 2016 г. составила 13 %). В этот же период доля респондентов, планирующих в той или иной мере соблюдать Великий пост, принципиальным образом не менялась и в среднем составляла 23% [5, с. 167—168]. Если предположить, что в ближайшей перспективе доля верующих людей будет оставаться прежней, то, весьма вероятно, постепенно изменится качество воспроизводства религиозности. В частности, механизмы обретения веры и религиозной социализации, характер которой будет преимущественно первичным, нежели вторичным. Поэтому видится необходимым смещение акцента с исследования проблемы индивидуального религиозного обращения на изучение воспроизводства религиозности, в частности в семье.

Принимая во внимание существенные изменения в религиозной жизни общества, в последнее время российские исследователи стали обращаться к вопросу религиозной социализации в семье. Однако такого рода исследований, имеющих эмпирическую основу, совсем немного. Отметим некоторые из них.

В сравнительном анализе семей православных верующих и неверующих И.А. Кузнецова рассматривает влияние духовно-нравственных ценностей родителей на детско-родительские отношения и особенности семейного воспитания [3]. Проведенное исследование позволило сделать выводы, что духовно-нравственные ценности православных родителей влияют на особенности воспитания детей: в частности, такие родители более требовательны к себе и детям, ориентируются на авторитетный стиль воспитания. Для детей в верующих семьях родители пользуются большим авторитетом, чем в неверующих семьях. Отмечается также, что дети верующих родителей в большей мере испытывают психологический комфорт в семье: меньший уровень тревожности, конфликтности, агрессивности.

В своей диссертационной работе Д.М. Чумакова анализирует взаимосвязь религиозности родителей и социального взаимодействия внутри семьи [9]. Выявлено, что религиозность позволяет родителям в большей мере справляться с эмоциональным стрессом благодаря использованию религиозных копинг-стратегий, за счет этого повышается уровень субъективного благополучия и общей удовлетворенности семейной жизнью. Высокий уровень религиозно-

сти также связан с низким уровнем готовности наказывать и с более редким применением наказаний к детям [9, с. 139–140].

В этих двух исследованиях выявлены достоверные различия, касающиеся психологического климата и взаимоотношений в семьях с разным уровнем религиозности. Однако исследования взрослых детей показывают, что важными агентами религиозной социализации наряду с родительской семьей являются средства массовой информации [1], а также значимый Другой [4].

При анализе зарубежных исследований мы сосредоточились на тех аспектах воспроизводства религиозности, которые так или иначе актуальны и могут быть использованы в контексте отечественного религиозного ландшафта.

Религия связана с ориентацией на традицию, и как следствие взаимоотношения между супругами и детьми в семьях верующих могут основываться на патриархатных взглядах и определенном авторитаризме. Однако сильная степень религиозности и приверженность традиционным взглядам не оказывает отрицательного влияния на воспитание детей. К этим выводам приходит Уильям Брэдфорд Уилкоккс — специалист в области социологии семьи и религиозной жизни (Университет Вирджинии) на основе исследования трех консервативных религиозных групп в США — консервативных протестантов, традиционных католиков и ортодоксальных иудеев — в рамках Национального исследования семей и домохозяйств (National Survey of Families and Households) 1987–1988 гг. и Исследования взрослых и молодежи (Survey of Adults and Youth — SAY) 1998–1999 гг. [28]. Как отмечает исследователь, вера мотивирует людей посвящать больше времени и сил религиозному воспитанию своих детей. Более того, этическое учение многих религий делает значительный акцент на выполнение должным образом родительских обязанностей. Для практикующих и консервативных верующих также свойственны более тесные социальные отношения и внутри семьи, и в общине, что обеспечивает детям более высокий уровень социальной поддержки и способствует успешной социализации. В исследовании выявлено, что консервативные в религиозном плане родители, которые также посещают церковь раз в неделю, чаще других поощряют своих детей, оказывают им эмоциональную поддержку и более вовлечены в их жизнь. Это указывает на отсутствие связи консервативности религиозных взглядов и регулярного посещения церкви с авторитарным родительским подходом. И хотя таким родителям все же более свойственно наказывать своих детей, они гораздо реже кричат на детей школьного возраста и гораздо чаще поощряют и хвалят их, чем представители неконсервативных религиозных групп. Религиозно активные и консервативные родители сочетают строгий, но сбалансированный подход к дисциплине и поощрению. Результаты также не подтвердили представления о том, что консервативные протестанты-мужчины придерживаются традиционного подхода к воспитанию,

который дистанцирует их от детей. Напротив, отцы более вовлечены в индивидуальное общение с детьми школьного возраста, а также в такие виды деятельности, как помощь с уроками, участие в волонтерстве со своими детьми, спортивные игры и др.

В семейном воспитании детей кроме трансляции ценностей одним из ключевых компонентов религиозной социализации оказывается совместное посещение церковных собраний (служб). Посещение церкви и активное членство в общине является не только существенным индикатором индивидуальной религиозности, но и фактором воспитания, благодаря непосредственному взаимодействию людей, принадлежащих к группе единомышленников, и сознательному формированию круга общения. Посещение родителями церковных собраний вместе с детьми или совместное участие в различных служениях под эгидой церкви не только увеличивают количество совместно проводимого времени, но и обеспечивают дополнительные возможности контроля. В этом плане небезынтересны результаты, касающиеся связи религиозности и родительского контроля.

На основе данных вышеупомянутого Исследования взрослых и молодежи (SAY) анализировалось влияние двух факторов, определяющих различные аспекты родительского контроля: общая религиозность и религиозная идентичность [21]. Результаты показали, что в американском обществе более частое посещение богослужений родителями и их принадлежность консервативным религиозным традициям в целом связаны с более высокой степенью контроля с их стороны за деятельностью и поведением детей. Так, более религиозные родители оказывают влияние на выбор подростками круга общения и для них неприемлемы некоторые нежелательные формы поведения (например, употребление алкоголя). Родители-католики (особенно с высшим образованием) более других знакомы с кругом общения своих детей — их друзьями, школьными учителями, родителями друзей. Это связано отчасти и с тем, что их дети активнее других посещают воскресную школу.

Определенный эффект на положительную религиозную социализацию детей оказывает вера и личный пример по крайней мере одного из родителей. В эмпирических исследованиях также зафиксирован своего рода синергетический эффект религиозности обоих родителей: если они принадлежат к одной и той же деноминации и / или в равной степени религиозны, то это обстоятельство оказывает значимое положительное влияние на различные аспекты их жизни: субъективное благополучие, преодоление различных жизненных трудностей [24].

Высокий уровень религиозности обоих супругов также оказывает влияние на успешность передачи детям религиозных убеждений и практик. Это подтверждается и на материалах Национального лонгитюдного исследования здоровья подростков ($n = 6504$) [17]. Непротиворечивая религиозность родителей (когда декларируемая субъективная значимость религиозной веры сопряжена с регуляр-

ным посещением церкви) оказывает положительное влияние на религиозность детей (в том числе посещение ими церковных собраний, субъективную значимость религии, частоту молитвы).

Вместе с общей религиозностью семьи зарубежными исследователями также анализируется роль каждого из родителей в передаче религиозности ребенку. Вероятно, что выявление ведущей роли одного или другого родителя связано не только с конфессиональными особенностями и гендерными изменениями, происходящими в обществе, но и с неконтролируемыми в исследованиях другими аспектами качества семьи (взаимоотношения родителей, близость отношений с детьми и т. д.). Рассмотрим более подробно результаты двух исследований.

В первом — национальном опросе американских католиков (1995 г., взрослые старше 18 лет, $n = 1058$) — оценивался общий уровень религиозности (частота посещения мессы, принятия Причастия и чтения Библии) и самооценка степени близости с каждым из родителей [11]. Гипотеза о том, что верующий родитель, который имеет близкие отношения с ребенком, окажет значительное влияние на его религиозное развитие, не подтвердилась. Данные опроса также не соответствуют и результатам предшествующих исследований, свидетельствующим о ведущей роли матерей: было выявлено, что на уровень религиозности потомков влияет религиозность отца независимо от степени близости отношений с ним и наличие близких отношений с матерью, независимо от ее уровня религиозности.

Второй пример — лонгитюдное исследование 407 семей, проживающих в сельской местности штата Айова, в котором изучались механизмы восприятия подростками религиозных знаний и практик родителей [12]. Три четверти опрошенных — протестанты (в основном лютеране и методисты), 85% родителей были одного вероисповедания. У всех родителей были дети в возрасте 12–13 лет, которые проживали вместе с ними. Одна из предварительных гипотез авторов заключалась в том, что передача религиозности в семье осуществляется эффективно в случае более высокой степени принятия родителями подростками (самооценка подростками степени доверия, которое оказывают им родители, заботы о них и т. п.). Результаты свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи между религиозными убеждениями и практиками родителей и детей. Частота посещений церкви как мальчиками, так и девочками прямо связана с их пониманием и важностью идеи Бога, эта же закономерность выявлена и у их родителей. Результаты подтвердили, что принятие детьми родителей является важным опосредующим звеном в передаче религиозных убеждений и практик: чем выше принятие, тем более значима роль родителей в передаче религиозности детям.

Значимые изменения в современных семьях обусловлены также увеличением средней продолжительности жизни и в отдельных случаях некоторыми тенденциями к денуклеаризации семьи [2, с. 218–219]. Поэтому в изучении религиозной трансмиссии важно

анализировать влияние не только родителей, но и прародителей — дедушек и бабушек — на религиозное воспитание внуков.

Проведенное Университетом Южной Калифорнии исследование межпоколенческой передачи религиозности показало значимость роли старших поколений в жизни молодых. В одной из публикаций по данному проекту авторы рассматривают преемственность и изменения в религиозном воспитании в семьях, которые включают в себя несколько поколений, обращая особое внимание на передачу религиозных ценностей и практик от одного поколения к другим [14]. В лонгитюдном исследовании (1971—2010 гг.) приняли участие более 3000 человек из 350 семей, члены семей опрашивались с интервалом в несколько лет. Исследователи анализировали передачу религиозности в трех ее аспектах: (1) частота посещения религиозных служб, (2) восприятие собственной религиозности и (3) степень согласия с консервативными религиозными убеждениями. Результаты показали, что за время проведения исследования произошли определенные изменения у представителей всех трех поколений. Во всех поколениях возросло число тех, кто не относит себя к какой-либо деноминации, но вместе с тем у всех поколений слегка возросла частота посещения религиозных собраний. Оценка важности собственной религиозности снизилась, особенно это относится к внукам и родителям. В поколении прародителей снижение степени согласия с консервативными религиозными убеждениями наблюдается в большей мере, чем у поколений родителей и внуков. Учитывая эти изменения, исследователям все же удалось подтвердить влияние поколения дедушек и бабушек на религиозность их внуков: зафиксирован рост в передаче консервативных убеждений от бабушек внукам и внучкам в 1971 году и от бабушек внучкам в 2000 году (степень влияния оценивалась по согласованности показателей какого-либо аспекта религиозности внуков / внучек и прародителей при контроле остальных факторов) [14, р. 333]. Обращает на себя внимание то, что независимо от волны исследования, дедушки не оказывали влияния на религиозность внуков. Относительно двух других аспектов религиозности (оценка собственной религиозности и посещение церкви) влияние представителей старшего поколения, вне зависимости от их пола, снизилось.

В другом исследовании основной вопрос был связан с ролью верующих старшего поколения: в большей ли степени они вовлечены в общение с внуками, чем неверующие [23]. Авторы также исследовали потенциальные факторы, т. н. «медиаторы», оказывающие влияние на связь религиозности и интенсивности семейных отношений. Так, религиозные люди склонны придерживаться более традиционных или консервативных установок в области семейных отношений и гендерных ролей, а также (при прочих равных условиях) иметь более сильные семейные и социальные связи вне семьи. Поэтому в семьях, которые придерживаются таких традиционных убеждений, бабушки и дедуш-

ки могут с большей вероятностью участвовать в воспитании внуков. В опросе приняли участие 585 представителей старших поколений (штат Айова). В исследовании рассматривались различные аспекты религиозности: участие в богослужениях, в библейских занятиях, чтение Библии, молитва, а также различные социально-психологические характеристики. В целом результаты указывают на то, что верующие в большей степени вовлечены в жизнь своих внуков: они оказывают воспитательное влияние, им свойственна более тесная личная связь с внуками, в том числе за счет их большей снисходительности.

Анализ межпоколенческой трансляции религиозности осуществляется также и с использованием теоретико-методологического аппарата «новой парадигмы» в социологии религии: в частности, теории религиозной экономики². В отличие от теории секуляризации («старой парадигмы») новая теоретическая перспектива опирается на теорию рационального выбора и методологию микроэкономики. Религиозное поведение рассматривается как рациональное и экономическое, которое связано с эффективным использованием ресурсов и ориентировано на приобретение индивидом тех или иных духовных благ. Отдельные религии, конфессии, деноминации, церкви суть агенты-производители, действующие на нерегулируемом или регулируемом со стороны государства религиозном рынке.

Одной из ключевых фигур «новой парадигмы» является американский социолог Лоуренс Яннаконе, который предложил концепцию «религиозного капитала». Она позволяет создать модель, объясняющую определенные закономерности индивидуального религиозного поведения, которые касаются межконфессиональной / межрелигиозной мобильности, инвестиций времени и денег в религиозную организацию, воспроизводства религиозности в семье [19]. Под «религиозным капиталом» понимаются знания, навыки и опыт, свойственные определенной религии, а также социальный капитал, которые индивид приобрел, будучи членом религиозной общины. Религиозный капитал, являясь одновременно и необходимым условием, и следствием религиозной практики [19, р. 299], создает своего рода колею: ограничивает возможность людей сменить религиозные предпочтения. Не рассматривая подробно различные практические следствия неконвертируемости религиозного капитала, отметим только то, что относится к религиозной социализации в семье. Так, в силу минимизации затрат, формирование религиозного капитала семьи оказывается более эффективным, когда супруги принадлежат одной и той же религии / конфессии. Религиозный капитал супругов передается их детям посредством личного примера, а также их приобщения к религиозным практикам и религиозному

² О становлении «новой парадигмы» в социологии религии и ее основных теоретических положениях см.: [6; 7].

обучению. Накопленный в детстве религиозный капитал у взрослых будет определять их индивидуальную религиозность: как выбор церкви, так и интенсивность религиозных практик.

В качестве иллюстрации использования концепции «религиозного капитала» приведем три эмпирических исследования.

На основе данных репрезентативного опроса, проведенного в Испании ($n = 2488$), анализировалась передача «религиозного капитала» от родителей детям [15]. Основное предположение состояло в том, что религиозная активность родителей, которая служит их потомкам не только образцом для подражания, но и сопряжена с посещением ими богослужений в детском возрасте, формирует религиозный капитал, который во взрослом возрасте определяет самостоятельное посещение церкви и молитвенную практику. Исследование установило межпоколенческий характер передачи религиозного капитала, причем обнаружены и гендерные особенности: религиозность передается от матери к дочери и от отца к сыну. Также выявлено, что религиозность родителей оказывает большее влияние на религиозность детей, чем частота посещений церкви в детском или юношеском возрасте.

В другом исследовательском проекте на основе репрезентативных данных американского Национального лонгитюдного обследования здоровья подростков ($n = 9500$) в фокусе внимания аналогично оказалась межпоколенческая передача религиозного капитала, а также влияние сверстников на его накопление [26]. Результаты свидетельствуют о том, что влияние на подростков их родителей и сверстников является взаимодополняющим: религиозный капитал формируется как целенаправленной религиозной социализацией со стороны семьи, так и влиянием друзей (их уровнем религиозности).

Трансляция религиозного капитала от родителей детям эмпирически подтверждается не только в христианских, но и в мусульманских семьях. Так, в исследовании 613 домохозяйств, проведенном в Пакистане, религиозность детей и родителей измерялась по семи переменным, характеризующим практическую сторону исламского благочестия [20]. С помощью регрессионных уравнений показано, что наибольший вклад в практическую религиозность детей вносит религиозное поведение их родителей — добавление в модель этой переменной сводит практически к нулю значимость контролируемых и опосредующих переменных.

Проблема религиозной социализации тесно связана с социальными и психологическими факторами. Кроме родителей на религиозное воспитание детей могут оказывать влияние не только старшие поколения, но и другие родственники, а также значимые члены семьи. Более того, религиозная социализация возможна только с определенного возраста. Конкуренцию родительскому воспитанию на определенном этапе начинают составлять профессиональные педагоги и сверстники. Оказываемое ими воздействие может не только не соотноситься с содержанием воспитания родителей, но и явно противоречить ему. Анализ

силы влияния каждого из этих доменов — семьи, школы и сверстников — требует отдельного рассмотрения. Однако результаты эмпирических исследований говорят о значимости в первую очередь родителей: основное влияние имеет вертикальная передача религиозности (от поколения поколению), а не горизонтальная (сверстники и школа).

Так, в исследовании религиозной трансмиссии у второго поколения иммигрантов-евреев США авторами проверялась гипотеза о том, что для представителей второго поколения, которые успешно интегрировались в общество, вертикальные механизмы передачи веры и религиозной идентичности между поколениями менее важны, чем факторы социализации за пределами семьи (на основе данных опроса 1480 представителей второго поколения мигрантов из Израиля и бывшего СССР) [27]. В соответствии с результатами, большое число иудеев очень заинтересованы в передаче веры следующему поколению. Обнаружено, что религиозные практики дома являются наиболее действенным фактором, в то время как внешние факторы оказывают наименьшее влияние на передачу веры. Влияние особенностей вторичной социализации (друзья, соседи, школа, участие в молодежных группах), уровня образования, а также места рождения (Израиль или бывший СССР) оказалось статистически незначимым.

Возможно, исследование религиозного воспроизводства в семьях мигрантов не является показательным для представителей той же религии / конфессии, живущих в родной стране, в силу его обусловленности как процессами аккультурации, так и особенностями социальной политики принимающей страны. Тем не менее эти исследования также подтверждают ключевую роль семьи. В частности, семейная социализация мигрантов-мусульман, проживающих в Бельгии, обеспечивает эффективную передачу религиозности второму поколению: посещение отцом мечети положительно связано с различными аспектами религиозности детей (самоидентификация, соблюдение поста, частная молитва и посещение мечети) [18]. Эти же связи подтверждены и в том случае, если ребенок посещал уроки по Корану. Последний фактор также имеет связь и с наличием у второго поколения мусульман консервативных религиозных убеждений.

В другом исследовании передачи религиозности в семьях мигрантов-мусульман, проживающих в Нидерландах, авторами анализировалось влияние родителей на религиозную идентичность детей, а также посещение ими мечети [25]. Роль родителей оказалась основной, несмотря на наличие такого фактора горизонтальной религиозной социализации, как наличие голландских друзей-немусульман. Не оказывает сильного влияния на религиозность второго поколения мигрантов и уровень их образования.

Вероятно, значимость вертикальной или горизонтальной передачи религиозности зависит от разных факторов, в т. ч. возрастных и конфессиональных. В ходе изучения религиозности старшекласс-

ников (Южная Калифорния, $n = 412$) анализировалось влияние семьи и сверстников [22]. В качестве интегральных показателей религиозности использовались значимость религии (важность для индивида религиозной веры и посещения церковных служб) и опыт присутствия Бога (наличие у индивида опыта переживания помощи Бога, чудесного стечения обстоятельств в повседневной жизни, чувства прощения и т. п.). Согласно результатам, такой опыт у подростков и важность для них религии в разной мере, но значимо связаны как с общением на тему веры в семье и со сверстниками, так и с совместной религиозно ориентированной деятельностью в семье (чтение религиозных книг, просмотр фильмов на религиозные темы, участие в волонтерской деятельности под эгидой церкви и др.). Результаты показывают, что значимости религии и опыт присутствия Бога в жизни подростков не столько находятся под влиянием примера и религиозности родителей и сверстников, сколько зависят от участия вместе с ними в общей деятельности. Эти обнаружения позволили сделать вывод, что наряду с семьей, как основным источником влияния, сверстники играют важную роль в развитии подростков.

Важным компонентом религиозной социализации является не только восприятие знаний о культуре и традициях собственной религии / конфессии / деноминации, но и формирование у последователей (даже безотносительно возраста) определенных представлений о других религиозных системах и, соответственно, установок к их представителям. Это знание касается и сугубо религиозной сферы (например, молитва о единоверцах) и простирается вплоть до регламентации отдельных сторон жизни (возможность заключения брака с представителями иных религиозных убеждений). В этой связи показательно исследование подростков (12–15 лет, $n = 730$), проведенное в Бельгии, которое было связано с попыткой осмысления связи родительского религиозного воспитания с формированием у детей отношения к религиозным и / или этническим аутгруппам, а также наличием у них психологических проблем [13]. В семейной социализации подростков выделялись (1) культурная составляющая (передача знания о религиозном наследии, истории и культурных традициях), (2) формирование недоверия (предупреждение об определенной опасности межрелигиозных отношений) и (3) формирование эгалитарных взглядов с акцентом на важность религиозного многообразия. Выявлено, что культурная составляющая социализации не связана с оценкой внешних религиозных групп. Принятие этих групп определяется наличием у детей представления о религиозном многообразии и низким уровнем недоверия. К тому же высокая степень недоверия оказалась значимо связана с более высоким уровнем внешних и внутренних психологических проблем подростков. Отмечено, что более высокий уровень внутренних проблем выявлен у подростков, которые считают религию важным компонентом собственной жизни.

Тезис, что религиозность ассоциируется с психическим благополучием взрослых людей, как правило, подтверждается эмпирически, хотя эта зависимость может быть и не прямой, а опосредованной. Изучению психологического благополучия детей верующих родителей уделяется значительно меньше внимания, чем изучению взрослых, а эта связь религиозности с психическим благополучием могла бы рассматриваться как определенный результат религиозного воспитания. В этой связи показательно исследование 11-летних детей, принадлежащих одной из двух основных христианских деноминаций западной Шотландии ($n = 2586$). В рамках лонгитюдного исследования анализировалась в том числе и связь между еженедельным посещением церкви и психическим благополучием детей [10]. Оказалось, что дети католиков посещают церковь значительно чаще, чем дети, чьи родители ассоциируют себя с Церковью Шотландии. Отметим, что конфессиональная принадлежность в западной Шотландии не только личное дело каждого или сугубо богословский вопрос, но, как и в Северной Ирландии, является важным фактором социальной принадлежности. Как свидетельствуют результаты исследования, 85 % родителей соотносят своих детей с какой-либо религиозной группой (Церковь Шотландии или Римско-католическая церковь). У детей, еженедельно посещающих церковь, независимо от конфессиональной принадлежности, выявлен более низкий уровень агрессии: они в меньшей степени склонны к участию в драках и конфликтах. Еженедельное посещение церкви оказалось связанным с большей подверженностью издевательствам со стороны других детей в случае принадлежности респондентов Церкви Шотландии. Для детей-католиков еженедельное посещение церкви оказалось в большей степени связанным с высокой самооценкой, чего нельзя сказать о детях из Церкви Шотландии. Также детям католиков в меньшей степени свойственна депрессия, причем не только по их собственной оценке, но и по оценкам их школьных учителей и родителей. Таким образом, влияние посещения церкви на психическое благополучие детей фиксируется, однако его степень и направленность зависят от принадлежности к той или иной деноминации и социального контекста.

Обобщая представленные выше результаты исследований, посвященных трансляции религиозности в семье, можно сделать следующие выводы. Если для отечественных исследователей проблема изучения воспроизводства религиозности во втором и последующих поколениях верующих является новой и малоизученной областью, то в зарубежной науке уже достаточно давно сложилась традиция изучения агентов религиозной социализации. Изучение воспроизводства религиозности в семье анализируется как на материалах срезовых локальных или репрезентативных опросов, так и в рамках лонгитюдных исследований. В качестве респондентов выступают верующие родители, либо их дети.

В отдельных проектах опрашиваются не только родители и / или дети, но и другие члены семьи. При изучении трансляции религиозной культуры в семье учитываются не только внутренние (семейные) факторы, но и внешние, связанные с историческим и культурным контекстом общества и с местом религии в нем. К внутренним факторам, оказывающим значимое влияние на воспроизводство религиозности, относятся ценностные ориентации родителей, характер их религиозности, отношения между супругами, их отношение к детям, используемые стили воспитания и стратегии взаимодействия. При анализе собственно религиозных или семейных факторов, как правило, учитывается влияние внешнего культурного и социального контекста, поскольку религиозное воспитание в семье зависит не только от интенций родителей, обусловленных их индивидуальной религиозностью, но и от социальных факторов, связанных с определенной религиозной традицией и ее местом и ролью в конкретном обществе.

В изучении российской религиозности так же важно учитывать культурные и религиозные детерминанты. Секуляризационные процессы характерны в большей мере для Европы и России. «Американские религии» как религиозные течения и конфессии, либо возникшие в США, либо обретшие свою уникальность в американской культуре, значительно отличаются от европейских конфессий. Так, своеобразие, казалось бы, близких в богословском смысле Голландской реформатской церкви в Европе, американской Объединенной пресвитерианской церкви и российских пресвитерианских церквей будет определяться социокультурными условиями. Эти особенности могут выходить на первый план как при межстрановом, так и при межконфессиональном сопоставлении результатов — в выявлении различий, обусловленных не религией, а культурой.

Добавим, что культурные и исторические различия проявляются и при выявлении степени значимости тех или иных агентов социализации (семья, СМИ, школа, друзья и др.). Вероятно, утверждение о главной роли семьи в религиозном воспитании детей правомерно и для российских реалий. За три-четыре последних десятилетия церкви (особенно православная) пополнялись в первую очередь за счет обращения неофитов. В таких семьях религиозная социализация может происходить и по постфигуративному типу (от родителей к детям), и по префигуративному (от взрослых верующих детей к их родителям), поскольку религиозное обращение может быть обусловлено не семейным воспитанием, а собственным духовным поиском. Таким образом, требуется не только изучение агентов религиозной социализации, но и эмпирическое выявление направленности межпоколенческих духовно-религиозных обменов.

Нельзя не согласиться с тем, что в обществах, где различные церкви представляют собой высокоразвитые социальные институты

гражданского общества, религиозное воспитание является важным компонентом процесса общей социализации ребенка. Социализируясь в религиозном смысле, ребенок не просто перенимает те или иные религиозные и мировоззренческие позиции своих родителей и окружения, но входит в социум, нормы и ценности которого соответствуют той или иной религиозной традиции, наряду с определенными социальными отношениями и механизмами (от посещения церкви до церковных институтов образования, от трудоустройства и помощи в различных жизненных ситуациях до института брака и проч.). В отечественных реалиях религиозные организации не всегда и далеко не для всех играют столь значимую роль в процессе социализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникина А.В.* Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области): Автореф. дис. канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2008. — 26 с.
2. *Елисеева И.И.* Эволюция структуры российских домохозяйств: попытка объяснения // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 216–242.
3. *Кузнецова И.А.* Духовно-нравственные ценности православия как фактор семейного воспитания детей: Автореф. дис. канд. псих. наук. СПб., 2007. — 23 с.
4. *Малявина С.С.* Детерминанты формирования религиозности личности // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. 2015. Вып. 2 (37). С. 119–131.
5. Общественное мнение — 2016. М.: Левада-Центр, 2017. — 272 с.
6. *Руткевич Е.Д.* «Новая парадигма» в социологии религии: Pro et Contra // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 207–233.
7. *Сафронов Р.О.* Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. 2009. № 1–2. С. 24–44.
8. *Синелина Ю.Ю.* Циклический характер процесса секуляризации в России (Социологический анализ: конец XVII — начало XXI века): Автореф. дис. д-ра соц. наук. М., 2009. — 54 с.
9. *Чумакова Д.М.* Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье: Дис. канд. псих. наук. Курган, 2014. — 165 с.
10. *Abbotts J.E., Williams R.G.A., Sweeting H.N., West P.B.* Is Going to Church Good or Bad For You? Denomination, attendance and mental health of children in West Scotland // Social Science & Medicine. 2004. Vol. 58. Iss. 3. P. 645–656. DOI: 10.1016/S0277-9536(03)00283-1
11. *Baker-Sperry L.* Passing on the Faith: The Father's Role in Religious Transmission // Sociological Focus. 2001. Vol. 34. No. 2. P. 185–198. DOI: 10.1080/00380237.2001.10571190
12. *Bao W.-N., Whitbeck L.B., Hoyt D.R., Conger R.D.* Parental Acceptance as a Moderator of Religious Transmission among Adolescent Boys and Girls // Journal of Marriage and Family. 1999. Vol. 61. No. 2. P. 362–374. DOI: 10.2307/353754
13. *Bebiroglu N., Roskam I., van der Straten Waillet N.* Discussing Religion: Exploring the Link Between Parental Religious Socialization Messages

- and Youth Outcomes // Review of Religious Research. 2015. Vol. 57. Iss. 4. P. 555–573. DOI: 10.1007/s13644-014-0200-3
14. *Bengtson V.L., Copen C.E., Putney N.M., Silverstein M.A.* Longitudinal Study of the Intergenerational Transmission of Religion // *International Sociology*. 2009. Vol. 24. Iss. 3. P. 325–345. DOI: 10.1177/0268580909102911
 15. *Brañas-Garza P., García-Muñoz T., Neuman S.* Intergenerational Transmission of ‘Religious Capital’. Evidence from Spain // *Revista Internacional de Sociología*. 2011. Vol. 69. No. 3. P. 649–677. DOI: 10.3989/ris.2010.06.28
 16. *Davie G.* Religion in Europe in the 21st Century: The Factors to Take into Account // *European Journal of Sociology*. 2006. Vol. 47 (2). P. 271–296. DOI: 10.1017/S0003975606000099
 17. *Gold N., Pulford B.D., Colman A.M.* Do as I Say, Don’t Do as I Do: Differences in moral judgments do not translate into differences in decisions in real-life trolley problems // *Journal of Economic Psychology*. 2015. Vol. 47. P. 50–61. DOI: 10.1016/j.joep.2015.01.001
 18. *Güngör D., Fleischmann F., Phalet K.* Religious Identification, Beliefs, and Practices Among Turkish Belgian and Moroccan Belgian Muslims: Intergenerational Continuity and Acculturative Change // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42 (8). P. 1356–1374. DOI: 10.1177/0022022111412342
 19. *Iannaccone L.R.* Religious Practice: A Human Capital Approach // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. Vol. 29. No. 3. P. 297–314. DOI: 10.2307/1386460
 20. *Khawaja M.F., Farooqi F., Azid T.* Intergenerational transmission of religious capital in a developing country: a case study of District Multan (Pakistan) // *Humanomics*. 2016. Vol. 32. Iss. 2. P. 189–204. DOI:10.1108/H-11-2015-0075
 21. *Kim Young-Il, Wilcox W.B.* Religious Identity, Religious Attendance, and Parental Control // *Review of Religious Research*. 2014. Vol. 56. No. 4. P. 555–580. DOI: 10.1007/s13644-014-0167-0
 22. *King P.E., Furrow J.L., Roth N.* The Influence of Families and Peers on Adolescent Religiousness // *Journal of Psychology and Christianity*. 2002. Vol. 21 (2). P. 109–120.
 23. *King V., Elder G.H. Jr.* Are Religious Grandparents More Involved Grandparents? // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. 1999. Vol. 54B. No. 6. P. 317–328. DOI: 10.1093/geronb/54B.6.S317
 24. *Lichter D.T., Carmalt J.* Religion and Marital Quality among Low-income Couples // *Social Science Research*. 2009. Vol. 38. P. 168–187. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.07.003
 25. *Maliepaard M., Lubbers M.* Parental Religious Transmission after Migration: The Case of Dutch Muslims // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 39 (3). P. 425–442. DOI: 10.1080/1369183X.2013.733862
 26. *Patacchini E., Zenou Y.* Social networks and parental behavior in the intergenerational transmission of religion // *Quantitative Economics*. 2016. Vol. 7. P. 969–995. DOI: 10.3982/QE506
 27. *Rubin O.D., Rubin A.* Intergenerational Religious Transmission Mechanisms Among Second-Generation Migrants: The Case of Jewish Immigrants in the

- United States // International Journal of Intercultural Relations. 2014. Vol. 43. Part B. P. 265–277. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2014.09.003
28. *Wilcox W.B.* Focused on Their Families: Religion, Parenting and Child Well-Being // Authoritative Communities: The Scientific Case for Nurturing the Whole Child / Ed. by K.K. Kline. New York: Springer, 2007. P. 227–244.

Дата поступления: 21.12.2017.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.

2018. VOL. 24. No. 4. P. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098

K.S. DIVISENKO, A.E. BELOV, O.V. DIVISENKO

Sociological Institute of FCTAS RAS, St Petersburg, Russian Federation.

Konstantin S. Divisenko — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 316-24-96. **Email:** k.divisenko@socinst.ru

Alexei E. Belov — Associated member, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 316-24-96. **Email:** alexeibelov2001@gmail.com

Olga V. Divisenko — Associated member, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 316-24-96. **Email:** o.divisenko@socinst.ru

TRANSMISSION OF RELIGIOUSNESS IN THE FAMILY

FROM PARENTS TO CHILDREN: AN ANALYTICAL REVIEW OF STUDIES

Abstract. The growing interest towards studying the impact of religion on various spheres of social life is reflected in quite large corpus of academic publications. Yet, the reproduction of religious identity on the level of individuals and small social groups is not much covered by Russian sociology of religion. The matter of the connection between religion and parenthood in Russian society becomes urgent due to the current transformations in Post-Soviet society: the first generation of believers is added and gradually being substituted by the second and third generations of believers. The representatives of these generations differ as it comes to the character of religious socialization that it is linked either to individual conversion or reproduction of religiosity. The given article represents the review of modern empirical studies of transmission of religion from parents to children. In our analysis we mostly refer to the results of foreign studies and are focused on the description of the results of reproduction of religiosity in family regardless of religious or confessional belonging. The analysis has indicated that family serves as one of the key agents of religious socialization of children and teenagers along with their peers and school. The review also focuses on the description of the factors that determine religiosity of children whose parents are believers. The authors also note the differences between religious and non-religious families are characterized relations between spouses and children, subjective wellbeing of children and styles of parenting.

Attention is also paid to external factors determining family religiosity: cultural context, place and role of religion in society.

Keywords: sociology of religion; religiosity; reproduction of religiosity; intergenerational interaction; religious socialization; religious transmission.

For citation: Divisenko K.S., Belov A.E., Divisenko O.V. Transmission of religiousness in the family from parents to children: An analytical review of studies. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098

REFERENCES

1. Anikina A.V. *Religioznost' sovremennoi studencheskoi molodezhi (na primere Nizhegorodskoi oblasti): Avtoref. dis. kand. sots. nauk.* [Modern student youth religiosity (an example of Nizhegorodskiy region). Synopsis for dissertation of PhD in Social Science.] Nizhniy Novgorod, 2008. 26 p. (In Russ.)
2. Eliseeva I.I. Evolution of Russian Households Structure: an attempt to explain. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 2016. No. 7. P. 216–242. (In Russ.)
3. Kuznetsova I.A. *Dukhovno-nravstvennye tsennosti pravoslaviya kak faktor semeinogo vospitaniya detei: Avtoref. dis. kand. psikh. nauk.* [Spiritual and moral values of Orthodoxy as a factor of family children upbringing. Synopsis for dissertation of PhD in Psychology.] Saint Petersburg, 2007. 23 p. (In Russ.)
4. Malyavina S.S. Determinants of formation of religious identity. *Vestnik PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2015. Vol. 2 (37). P. 119–131. (In Russ.)
5. *Obshchestvennoe mnenie – 2016.* [Public opinion – 2016.] Moscow: Levada-Tsentr publ., 2017. 272 p.
6. Rutkevich E.D. New Paradigm in the Sociology of Religion: Pro and Contra. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2013. No. 6. P. 207–233. (In Russ.)
7. Safronov R.O. Contemporary sociological theories of religion in the US and Europe. *Religiovedcheskie issledovaniya*. 2009. No. 1–2. P. 24–44. (In Russ.)
8. Sinelina Yu.Yu. *Tsiklicheskiy kharakter protsessa sekulyarizatsii v Rossii (Sotsiologicheskii analiz: konets XVII — nachalo XXI veka): avtoref. dis. d-ra sots. nauk.* [Cyclic character of secularisation process in Russia (Sociological Analysis: the end of XVII the beginning of XXI c.). Synopsis for dissertation of Doctor of Social Science.] Moscow, 2009. 54 p. (In Russ.)
9. Chumakova D.M. *Vzaimosvyaz' religioznosti lichnosti i sotsial'nogo vzaimodeistviya v sem'e: Dis. kand. psikh. nauk.* [The relationship of personal religiosity and social interaction in the family. Dissertation of PhD in Psychology.] Kurgan, 2014. 165 p. (In Russ.)
10. Abbotts J.E., Williams R.G.A., Sweeting H.N., West P.B. Is Going to Church Good or Bad For You? Denomination, attendance and mental health of children in West Scotland. *Social Science & Medicine*. 2004. Vol. 58. Iss. 3. P. 645–656. DOI: 10.1016/S0277-9536(03)00283-1
11. Baker-Sperry L. Passing on the Faith: The Father's Role in Religious Transmission. *Sociological Focus*. 2001. Vol. 34. No. 2. P. 185–198. DOI: 10.1080/00380237.2001.10571190
12. Bao W.-N., Whitbeck L.B., Hoyt D.R., Conger R.D. Parental Acceptance as a Moderator of Religious Transmission among Adolescent Boys and Girls. *Journal of Marriage and Family*. 1999. Vol. 61. No. 2. P. 362–374. DOI: 10.2307/353754

13. Bebiroglu N., Roskam I., van der Straten Waillet N. Discussing Religion: Exploring the Link Between Parental Religious Socialization Messages and Youth Outcomes. *Review of Religious Research*. 2015. Vol. 57. Iss. 4. P. 555–573. DOI: 10.1007/s13644-014-0200-3
14. Bengtson V.L., Copen C.E., Putney N.M., Silverstein M.A. Longitudinal Study of the Intergenerational Transmission of Religion. *International Sociology*. 2009. Vol. 24. Iss. 3. P. 325–345. DOI: 10.1177/0268580909102911
15. Brañas-Garza P., García-Muñoz T., Neuman S. Intergenerational Transmission of ‘Religious Capital’. Evidence from Spain. *Revista Internacional de Sociología*. 2011. Vol. 69. No. 3. P. 649–677. DOI: 10.3989/ris.2010.06.28
16. Davie G. Religion in Europe in the 21st Century: The Factors to Take into Account. *European Journal of Sociology*. 2006. Vol. 47 (2). P. 271–296. DOI: 10.1017/S0003975606000099
17. Gold N., Pulford B.D., Colman A.M. Do as I Say, Don’t Do as I Do: Differences in moral judgments do not translate into differences in decisions in real-life trolley problems. *Journal of Economic Psychology*. 2015. Vol. 47. P. 50–61. DOI: 10.1016/j.joep.2015.01.001
18. Güngör D., Fleischmann F., Phalet K. Religious Identification, Beliefs, and Practices Among Turkish Belgian and Moroccan Belgian Muslims: Intergenerational Continuity and Acculturative Change. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42 (8). P. 1356–1374. DOI: 10.1177/0022022111412342
19. Iannaccone L.R. Religious Practice: A Human Capital Approach. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. Vol. 29. No. 3. P. 297–314. DOI: 10.2307/1386460
20. Khawaja M.F., Farooqi F., Azid T. Intergenerational transmission of religious capital in a developing country: a case study of District Multan (Pakistan). *Humanomics*. 2016. Vol. 32. Iss. 2. P. 189–204. DOI:10.1108/H-11-2015-0075
21. Kim Young-II, Wilcox W.B. Religious Identity, Religious Attendance, and Parental Control. *Review of Religious Research*. 2014. Vol. 56. No. 4. P. 555–580. DOI: 10.1007/s13644-014-0167-0
22. King P.E., Furrow J.L., Roth N. The Influence of Families and Peers on Adolescent Religiousness. *Journal of Psychology and Christianity*. 2002. Vol. 21 (2). P. 109–120.
23. King V., Elder G.H. Jr. Are Religious Grandparents More Involved Grandparents? *Journal of Gerontology: Social Sciences*. 1999. Vol. 54B. No. 6. P. 317–328. DOI: 10.1093/geronb/54B.6.S317
24. Lichter D.T. Carmalt J. Religion and Marital Quality among Low-income Couples. *Social Science Research*. 2009. Vol. 38. P. 168–187. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.07.003
25. Maliepaard M., Lubbers M. Parental Religious Transmission after Migration: The Case of Dutch Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 39 (3). P. 425–442. DOI: 10.1080/1369183X.2013.733862
26. Patacchini E., Zenou Y. Social networks and parental behavior in the intergenerational transmission of religion. *Quantitative Economics*. 2016. Vol. 7. P. 969–995. DOI: 10.3982/QE506
27. Rubin O.D., Rubin A. Intergenerational Religious Transmission Mechanisms Among Second-Generation Migrants: The Case of Jewish Immigrants in the United States. *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 43. Part B. P. 265–277. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2014.09.003
28. Wilcox W.B. Focused on Their Families: Religion, Parenting and Child Well-Being. *Authoritative Communities: The Scientific Case for Nurturing the Whole Child*. Ed. by K.K. Kline. N.Y.: Springer, 2007. P. 227–244.

Received: 21.12.2017.